

В. Ф. ШАПОВАЛОВ

РОССИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Весну в развитии общества О. Шпенглер назвал культурой, а сезону зимнего оцепенения дал имя «цивилизация». Трактовка культуры и цивилизации как двух последовательных этапов в развитии общества с тех пор утвердилась как научно правомерная. Однако, говоря о России как о цивилизации, мы будем иметь в виду то понимание, которое связано прежде всего с именами Н. Я. Данилевского и А. Дж. Тойнби. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы показать оправданность и плодотворность взгляда на Россию как на особую цивилизацию, занимающую свое место в ряду локальных цивилизаций прошлого и современности.

Цивилизационный подход к России правомерен при условии, если не превращается в набор утверждений об исключительности, якобы характерной для России и резко выделяющей ее из общего ряда стран. Тезис о мнимой российской экзотичности может быть истолкован двояко – либо в горделиво-заносчивом, либо в самоуничижительном смысле. Однако и в том и другом случае он одинаково опасен, поэтому должен быть заранее выведен за рамки исследования.

Смысл и назначение цивилизационного подхода следует усматривать в выявлении универсальных черт, отличающих российское общество от других, но не по линии «лучше – хуже», «выше или ниже», а по линии обнаружения характерных особенностей и сопоставления с другими обществами. Образцы такого подхода к изучению соответствующих стран можно найти в работах современных зарубежных исследователей. Особо назовем таких авторов, как Макс Лернер (исследование цивилизации в США), Фернан Бродель («Что такое Франция?»), Мигель де Унамуно и Хосе Ортега-и-Гассет (исследование цивилизационных особенностей Испании и Европы). Впрочем, и отечественная традиция изучения России в ее универсально-цивилизационных чертах, представленная в прошлом такими именами, как Вл. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков,

Г. Федотов, С. Франк и другие, сегодня активно возрождается. Потребность в цивилизационном изучении России возрастает по мере того, как общество все более осознает важность задачи самоопределения и самоидентификации, а главное – масштабы стоящих на этом пути трудностей и проблем. Очевидно, что перед Россией сегодня возникает вопрос, подобный тому, который в свое время А. Тойнби адресовал цивилизации Запада: «Предстоит ли нам процесс упадка и распада как некий неизбежный рок, от которого ни одной цивилизации не уйти?»¹. Тойнби ответил на свой вопрос отрицательно и оказался прав. Думается, что российская цивилизация сумеет найти достойные ответы на вызовы современной эпохи.

* * *

Рассмотрение вопроса о России как одной из локальных цивилизаций, обладающей характерными отличительными чертами, целесообразно начать с анализа противоположной точки зрения: позиция радикального отрицания цивилизационного единства России широко представлена в литературе. Замечу предварительно, что теоретическое отрицание существования российской цивилизации нередко основано, на мой взгляд, на ряде недоразумений и в конечном итоге коренится в сложности и известной неопределенности понятия цивилизации и вытекающей отсюда вариативности его трактовок. Тем не менее, нельзя не привести аргументацию противников признания российской цивилизации. Один из аргументов состоит в том, что «множество народов с разной цивилизационной ориентацией, входивших в состав государства... превращало Россию в неоднородное, сегментарное общество». Народы России «исповедуют ценности, которые не способны к сращиванию, синтезу, интеграции... Татаро-мусульманские, монголо-ламаистские, православные, католические, протестантские, языческие и другие ценности нельзя свести воедино... Россия не имеет социокультурного единства, целостности». Поэтому «Россия не является самостоятельной цивилизацией и не относится ни к одному из типов цивилизаций...»².

---

¹ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. СПб., 1996. С. 39–40.

² Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1996. С. 86.

Прежде всего, не следует, как это делает автор приведенных слов, подозревать каждого говорящего о российской цивилизации в национал-патриотизме, консерватизме, патриархальности и других смертных грехах. Не следует также думать, что в понятии российской цивилизации заложены попытки выделить чисто русскую или исключительно православную составляющую в истории и современности России. Напротив, цивилизация – именно то понятие, которое способствует выработке сбалансированного взгляда на сложносоставные, отличающиеся своеобразным сочетанием разнородных факторов, социальные образования. Во всяком случае, именно по этому пути пошел автор книги об американской цивилизации³. С точки зрения американского исследователя, факт этнического многообразия, как и религиозно-культурного и связанных с ним различий в ценностных ориентациях, не является аргументом против возможности единства в рамках цивилизации. На вопрос о том, является ли Америка цивилизацией, он уверенно дает положительный ответ: Соединенные Штаты являются особой цивилизацией, дочерней по отношению к западноевропейской. Одна из ее отличительных особенностей и состоит в соединении в рамках единого целого огромного множества разнообразных этносов, конфессий и ценностей.

Пример США нельзя считать исключительным, хотя и единственного примера достаточно, чтобы опровергнуть тезис о невозможности многоэтнической цивилизации. Однако главное состоит в том, что цивилизация – это в большинстве случаев суперэтническое образование. Вопрос о механизмах и способах обеспечения цивилизационного единства достаточно сложен и заслуживает отдельного разговора. К нему мы еще вернемся в ходе дальнейшего изложения. Пока же замечу, что уповать на «сращивание» различных по своей природе ценностей не приходится в принципе: такого сращивания не происходит даже в относительно простых и однородных по своей структуре обществах, не говоря уж о столь сложных, внутренне дифференцированных и масштабных, какими, как правило, являются цивилизации. Механизм возникновения цивилизационного единства не в сращивании. Он более сложен. В частно-

---

³ См.: Лернер Макс. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединенных Штатах сегодня: В 2 т. Т. 1. М., 1992. С. 69–96.

сти, не уничтожая особенностей отдельных входящих в ее состав этносов, цивилизация способна создать уровень единства, располагающийся над уровнем различий, – уровень общности. Простой пример поясняет сказанное. Американец, кем бы он ни был по происхождению, приобретает дополнительно к своим коренным свойствам ряд черт специфического американского характера. Это и означает, что он освоил специфически американский образ жизни и мыслей, характерно американскую систему ценностей, вжился в Америку, стал ее составной частью. Несмотря на теоретические трудности определения «духа Америки», сам факт существования такого духа едва ли можно отрицать. Не случайно, что независимо от этнической и иной принадлежности, американцы легко опознают друг друга, так же как окружающие легко выделяют их по манере поведения, характеру и т. п. Случайно ли, что в разнорациональной толпе мы легко отличаем нашего туриста или недавнего соотечественника, кем бы он ни был – русским, армянином, башкиром или украинцем? Случайно ли, что иностранцы легко опознают нас, называя без разбора всех представителей России – СССР «русскими»?

Очевидно, украинцы или армяне, ставшие гражданами и постоянными жителями новых независимых государств, через одно-два поколения утратят общероссийские (отнюдь не только советские!) черты. Однако вовсе не обязательно, что те же армяне или украинцы должны утратить характерное армянское или украинское своеобразие, оставаясь полноправными членами российского общества и связав свою судьбу с новой Россией. В этом случае над-этнические, т. е. общероссийские, черты их характера будут существовать наряду с собственно национальными.

Особенности российской цивилизации не в многоэтничности, многоконфессиональности и т. д., а во многом другом, в частности, в сочетании территориальной расплывченности этносов с компактностью их проживания, в отсутствии естественных границ, на которых можно было бы закрепиться окончательно, в континентальности территории с характерной удаленностью от морей, в характере взаимодействий с географически соседними цивилизациями и т. д.

Нельзя признать убедительным и еще один аргумент против трактовки России как цивилизации. Он связан с тем, что история

России нередко прерывалась, вследствие чего следует говорить не об одной, а о нескольких Россиях: Киевская Русь, Московская Русь, Россия Петра I, Россия Советская и т. д. Следует заметить, что прерывность истории и связанное с этим наличие ряда резко различных обликов страны не являются исключительной прерогативой России. Фернан Бродель, в частности, пишет: «Если взглянуть на Францию в ее самых общих хронологических рамках, то она предстанет целой чередой Франций, последовательно сменяющих друг друга, разных и похожих, попеременно то тесных, то широких, то единых, то раздробленных, то благополучных, то страждущих, то удачливых, то неудачливых»⁴. Признание «множества Франций» не является для Ф. Броделя поводом для отказа от написания истории Франции как истории одной страны, принадлежащей в разное время к разным цивилизациям и вносящей свой вклад в современную западноевропейскую.

Однако для цивилизационного подхода важно не это. Важно то, что, вообще говоря, всякий предмет, изменяясь по отношению к самому себе, в общем случае никогда, однако, не совпадает с другим. Так, Россия или Франция сегодняшние резко отличаются от себя прежних. Но отсюда отнюдь не следует, что результатом исторических трансформаций должно стать их совпадение между собой: Россия современная не похожа на современную Францию, как обе страны были не похожи друг на друга в любую другую историческую эпоху. Поэтому Россию современную, как и Францию или Соединенные Штаты, можно представить в качестве особых образований, отличных от себя в прошлом, но от этого не ставших похожими друг на друга сегодня. Цивилизационный подход, в отличие от исторической науки в ее классическом виде, сосредоточивает свое внимание не столько на динамике исторических изменений, сколько на характерных чертах данного общества, взятого в определенную историческую эпоху. В этом случае цивилизационный подход становится чем-то существенно отличным от исторической науки, но не альтернативным ей и не вступающим с ней в конкуренцию.

Очевидно, что та или иная страна, взятая в определенную эпоху, либо принадлежит к одной из сосуществующих цивилизаций,

---

⁴ Бродель Фернан. Что такое Франция? Кн. 2. Ч. 1. МЛ 1995. С. 7.

либо тяготеет к одной из них, либо, наконец, сама по себе представляет отдельную цивилизацию, является страной-цивилизацией. Думается, что именно последнее имеет место в случае с Россией (разумеется, не только с ней). О современной российской цивилизации можно вести речь, начиная от эпохи петровских преобразований, от XVIII века, от имперского, «петербургского» периода российской истории. Аргументы в пользу данного тезиса, насколько это возможно в рамках статьи, я постараюсь привести в ходе дальнейшего изложения. Понятно, что начать следует с определения цивилизации, с отыскания ее основополагающих признаков.

Представляется, что важнейшей стороной понятия цивилизации являются многообразие, многоуровневость, многоплановость и масштабность. Цивилизация – это масштабное сложноорганизованное предприятие, включенное в мировое целое самым непосредственным образом и оказывающее существенное влияние на это целое. Эти качества понятия цивилизации отчетливо представлены в определении С. Хантингтона: «Мы можем определить цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Следующую ступень составляет уже то, что отличает род человеческий от других видов живых существ. Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификацией людей. Есть различные уровни самоидентификации: так, житель Рима может характеризовать себя как римлянина, итальянца, католика, христианина, европейца, человека западного мира. Цивилизация – это самый широкий уровень общности, с которой он себя соотносит.

Культурная самоидентификация людей может меняться, и в результате меняются состав и границы цивилизации»⁵.

Думается, что Россия целиком вписывается в рамки данного определения. В самом деле, самоидентификация большинства россиян, скорее всего, имеет своим пределом именно принадлежность к России. Во всяком случае, трудно ожидать, что «типичный представитель» российского общества осознает себя «человеком Запада», впрочем, как и «человеком Востока». Идентификация себя в

---

⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 34.

качестве россиянина является предельным уровнем, за которым следует отождествление себя с представителем человечества в целом. Отнюдь не случайно, что во всем огромном массиве литературы, посвященном России, едва ли найдется какая-либо значительная публикация, в которой бы однозначно признавалась принадлежность России к какой-либо из цивилизаций – западной или восточной. Даже для самых горячих российских западников российская «западность» выступала и выступает в качестве проекта наиболее предпочтительного будущего, а не в качестве очевидности и данности. В работах зарубежных исследователей за Россией, как правило, закрепляется самостоятельное место во всемирном целом. Зарубежные авторы, независимо от своего отношения к России – положительного или отрицательного, отводят ей роль значительного и самостоятельного фактора мировой жизни. Так, Макс Лернер подчеркивает основные заслуги Шпенглера и Тойнби: «Они упорно отстаивали тезис о том, что великие цивилизации мировой истории ...Западная Европа, Россия, исламский регион, Индия, Китай или Америка... каждая из них имеет свою личную судьбу, свою собственную жизнь и смерть и у каждой есть свое сердце, своя воля и свой характер»⁶.

Очевидно, что события последних лет привели к расширению границ западной цивилизации: в ее состав вошли или находятся в стадии вхождения некоторые восточноевропейские страны. Однако надо иметь в виду, что модернизация по западному образцу отнюдь не всегда совпадает с процессом вхождения в состав цивилизации Запада. Так, например, Турцию или Японию принято считать странами «продвинутыми» в модернизационном отношении. Однако сколь бы далеко ни продвигались эти страны по пути усвоения элементов западного образа жизни, общественных отношений, западных технологий и т. п., они едва ли смогут стать органическими частями западного мира. Впрочем, такая задача, видимо, перед ними и не стоит. То же можно сказать о России: современные модернизационные процессы не следует путать с превращением страны в общество, целиком идентичное западному. Последний тезис не может быть истолкован в пользу концепций исключительности и изоляционизма. Однако при нормальном протекании процессов модерниза-

---

⁶ Лернер Макс. Указ, произв. С. 75.

ции (т. е. если не произойдет чего-то чрезвычайного) Россия останется Россией, занимая свое собственное место в составе мирового сообщества и целиком не сливаясь ни с западной, ни с какой-либо иной цивилизацией. Перед исследователем простирается широкое поле самых разнообразных возможностей для изучения особенностей российской цивилизации. Какому из подходов следует отдать предпочтение? Отечественные религиозные мыслители XIX – начала XX вв. в большинстве случаев шли по пути, который можно характеризовать как спекулятивно-психологический. Вл. Соловьев поставил вопрос о русской идее, Н. Бердяев – о душе России, С. Франк написал трактат о русском мировоззрении, Н. Лосский – о характере русского народа и т. д. Впрочем, весьма близкие аналоги подходу отечественных авторов легко обнаруживаются у исследователей иных цивилизаций и стран. Одним из классиков в области изучения особенностей английского характера признается Эмерсон, чья книга «Английские черты» получила широкую известность. Американец Гарольд Ласки под характерным названием «Дух Америки» перечисляет следующие особенности специфически американского духа или характера: взгляд в будущее, динамизм, страсть к величию, чувство достоинства, дух первопроходца, индивидуализм, неприязнь к застою, гибкость, эмпирический подход и приоритет практических интересов, стремление к благополучию и преуспеванию, вера в собственные силы и собственные цели, святость истового труда, уважение к частной собственности. Изучению того, что можно было бы назвать «характером американца», «духом Америки» или «американской душой», посвятили свои труды многие американские исследователи. От автора к автору перечни основ «американской веры» различны, хотя и не лишены целого ряда совпадающих позиций.

По пути перечисления и раскрытия основных свойств русской души идет Н. Лосский в книге «Характер русского народа». Он обращает внимание на следующие черты: религиозность, способность к высшим формам духовного опыта и связанное с этим искание абсолютного добра, органическое соединение чувства и воли, свободолюбие, народничество (под которым Лосский понимает готовность заботиться не только о личном благе, но и о благе всего народа: стремление к благу народа отчетливо проявилось в характере

русской интеллигенции), доброта, даровитость, мессианизм и миссионизм, недостаток средней области культуры, известная склонность к проявлениям нигилизма и хулиганства. Широко известна характеристика русской души, данная Н. Бердяевым. Он особо подчеркивал противоречивость русского духа: «Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие (формальное отношение к религии, сводящееся к бездумному выполнению обрядов. – В. III.) и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие: искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт»⁷. Своеобразные характеристики русской души мы находим и у других авторов. В случае с Россией, как и в случае с Америкой, перечни типичных свойств различаются от автора к автору, хотя обнаруживают и немало совпадений.

Вряд ли есть смысл прибавлять к уже известным новые списки характеристик русской души. Не следует, однако, и торопиться с их окончательной оценкой, соглашаться или не соглашаться с той или иной трактовкой души России: вряд ли можно оспаривать тот факт, что каждый из известных подходов схватывает что-то реальное или по меньшей мере на это реальное намекает. Однако гораздо важнее другое – ответить на ряд принципиальных вопросов.

Первый из них связан с определением тех условий, при которых размышления о национальном характере вообще имеют смысл, не превращаясь в род научно бесплодных и социально опасных изысканий на кровно-расовой почве. Очевидно, что рассуждения о душе России (как и о душе всякой другой страны) правомерны лишь при условии, если ведутся с позиций не кровно-этнических, а культурно-исторических. Видимо, природные факторы вообще играют второстепенную роль в формировании характерных особенностей души народа. Конечно, не исключено, что «есть сходство между географией природной и географией душевной» (Н. Бердяев

---

⁷ Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX – начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 44–45.

ев), но такое сходство не является прямым и однозначным, особенно в современном урбанизированном, технологическом, информационном и т. д. обществе. Возникает и другой вопрос, еще более принципиальный для нашей темы, связанный с многонациональным характером российской цивилизации.

Выше уже говорилось о суперэтничности как о свойстве цивилизации в России. Если наше утверждение верно, то, помимо специфических национальных характеров, должна существовать душа России, общая для всех населяющих ее народов, так же как американская душа, общая для американцев различного происхождения (см. выше). На сегодняшний день вычленить ее из «советскости», пропитавшей в той или иной мере за долгие десятилетия громадное большинство населения бывшего Советского Союза, независимо от этнической принадлежности, очень непросто. Тем не менее, общение этносов, так же как общение отдельных индивидов, не может быть ни при каких условиях сведено к идеологии, поэтому предполагает выработку как общих базовых ценностей, так и некоторых общих правил общения. С учетом этих правил и ценностей и создается то, что можно назвать «общероссийским духом». Отдельные его черты можно угадать в описаниях души России, данных русскими дореволюционными мыслителями и авторами, работавшими в эмиграции, в той мере, в какой они ориентировались на общий культурный дух России. Однако для научного выявления и изучения духа России одного спекулятивно-психологического подхода недостаточно – он должен быть дополнен конкретными социологическими исследованиями.

Думается, что умозрительно-психологический подход, как правило, основанный на личных наблюдениях и размышлениях ученого, на анализе явлений истории и культуры, способен дать очень многое для уяснения умопостигаемого образа России. Однако прав Бердяев, что в этом случае исключительную роль приобретают «теологальные добродетели веры, надежды и любви», ибо эмпирически столь многое отталкивает в российской действительности. В отсутствие же заведомой любви к России теоретические спекуляции неизбежно приводят к выводам, если не оскорбительным для россиян, то, во всяком случае, сомнительным с научной точки зрения. К таким выводам привел, например, метод, использованный в

работе Горера и Рикмена «Народ Великороссии». В качестве отправного пункта исследования авторы приняли переживания раннего детства русских крестьян, которых матери обычно туго пеленали в первые месяцы жизни. Этой несвободой на досознательном этапе жизненного пути авторы брались объяснить все характерные особенности русской души.

Наконец, еще один важный вопрос связан со степенью и темпами изменчивости основных параметров российской души. Вообще говоря, народ, о котором писали Бердяев, Лосский, Федотов и др., – это тот же народ, который существует сегодня, или его социально-психологические характеристики изменились настолько, что в настоящее время более правомерно говорить о другом народе? При ответе на этот вопрос не следует, прежде всего, впадать в излишний социологизм, полагая, что народная душа изменяется в строгом соответствии с изменениями социально-экономических и политических порядков. В большинстве случаев народный характер обнаруживает значительную устойчивость и неожиданным образом проявляется в совершенно новых социально-экономических и политических условиях. Это с одной стороны. С другой – не следует думать, что душа России есть нечто абсолютно неизменное, никак не реагирующее на социальные и иные перемены. И уж совсем абсурдно было бы полагать, что, сформировавшись где-то на заре российской истории и оставаясь в дальнейшем неизменным, русский характер и ментальность предопределили собой весь ход российской истории, все ее положительные и отрицательные стороны.

Отнюдь не очевидно, что социальная психология, о которой мы вели речь выше, является именно тем фактором, который должен быть признан в структуре цивилизации как ведущий или определяющий. Играя важную роль, он существует наряду с другими, составляя важную, но всего лишь одну из граней сложного строения цивилизации.

Исследование России как сложной цивилизации, конечно, можно начать с постижения российской разновидности человеческой души и, определив основные параметры души России, вывести из них особенности экономического, социального, политического и культурного бытия. Именно так поступали во многих случаях русские мыслители дооктябрьского периода и зарубежья. Классиче-

ским примером такого подхода является, в частности, книга Н. Бердяева «Русская идея». Можно несколько изменить угол рассмотрения, взяв за отправной пункт ценностно-религиозные установки российского общества. В этом случае исходной основой России как цивилизации станут религиозные убеждения и верования, а также религиозные организации, церковь. Особую роль при таком подходе часто отводят православию, что имеет под собой целый ряд исторических оправданий: следует без колебаний признать, что православие в течение многих веков истории российского общества играло роль, гораздо более значительную, чем любая иная конфессия. Последнее обстоятельство и дало основание, например, Тойнби квалифицировать российскую цивилизацию как «православно-христианская в России». По этому пути шли и идут мыслители, близкие православной церкви, видя главный стержень российского бытия в его прошлом, настоящем и будущем прежде всего или даже исключительно в православии. Можно избрать еще один вариант подхода, приняв за точку отсчета особенности политической системы российского общества. Этот вариант представлен, в частности, западными учеными, такими как, например, Ричард Пайпс. В этом случае из особенностей самодержавной, а затем советской и нынешней квазидемократической политической системы можно попытаться вывести все основные параметры российского общества. Наконец, мыслители марксистского и близких ему направлений предпочитают говорить в первую очередь о характере экономической власти и связанной с ней классовой структуре общества. По мнению этих исследователей, именно экономика и классовая структура представляют собой ту определяющую основу, анализ которой позволяет уяснить особенности любого общества, в том числе российского.

Очевидно, что все перечисленные подходы обладают своими преимуществами и в каждом из них заключена «своя правда». Однако столь же очевидно, что ни один из них, взятый изолированно, не в состоянии раскрыть все грани сложнейшего целого, каким является цивилизация. Во всяком случае, при отдельном применении любого из них искусственные натяжки и спекуляции оказываются неизбежными. Так, вполне правомерной может быть гипотеза о наличии определенной связи между современной возрождающейся

религиозностью и сегодняшней политической и экономической жизнью России. Однако попытка вывести особенности современной политической и экономической ситуации из ценностей и установок какой-либо религиозной системы вряд ли будет плодотворной. Вопрос же о первичности одного и вторичности другого вообще оказывается неразрешимым, и главное, ничего не дающим ни для понимания, ни для объяснения общества. Точно так же государственно-политические теории способны многое объяснить в реальной жизни российской цивилизации, в том числе современной, поскольку государство играло и продолжает играть в России исключительно большую роль. Однако едва ли мощью государства удастся объяснить российскую цивилизацию как таковую хотя бы потому, что антигосударственные тенденции (например, анархизм) в России всегда были представлены не менее отчетливо, чем государственно-охранительные.

Примеры нерезультативности монистического взгляда легко умножить. Исследовательский монизм, во всех его модификациях, неизбежно огрубляет реальность, чрезмерно упрощает и схематизирует ее. Если это так, то не лучше ли решиться на отказ от признания единственности фундаментального принципа и тем самым прекратить бесплодную трату интеллектуальных сил с целью загнать все богатство жизненных проявлений в прокрустово ложе монистических схем? Во всяком случае, для теоретического воссоздания широкой панорамы российской цивилизации такой отказ вполне оправдан. Вместе с тем, крайне важно то, что отказ от монизма не должен означать отказа от концептуальности. Следовательно, возникает необходимость в новом (немонистическом) принципе, способном служить основой концептуальных построений, в противном случае исследованию грозит опасность скатиться к эмпиризму, к голой фактологичности. Вряд ли на роль такого принципа подойдут плюрализм или многофакторность, понятые как перечисление разнообразных факторов и их суммирование. Что же остается?

Цивилизацию можно изучать на различных временных срезах ее существования. Понятно, что особенно интересно и важно знать и понимать ее сегодняшнее состояние. Образ жизни и мыслей в России сегодняшней и есть то, что можно назвать нынешним со-

стоянием российской цивилизации. Его можно представить в виде совокупности тематических блоков, каждый из которых раскрывает какую-либо отдельную грань или одну из слагаемых сложного строения цивилизации. Очевидно, что в число тематических блоков должны войти следующие: природно-географические характеристики и ресурсы российской цивилизации; этнический и демографический состав; земля и особенности сельскохозяйственного производства в России; экономика и хозяйственная деятельность, ее условия, детерминанты, стимулы; наука и технология; политическая система; класс и статус в России; искусство и массовая культура; религии и верования; особенности взаимоотношения личности и общества в России; место России в мировом сообществе. Рассматривать названные тематические блоки вне связи друг с другом, конечно, невозможно. Однако искомая концептуальность достижима не на пути соотнесения каждого отдельного блока с другим, а на пути соотнесения его с целым, т. е. с общим представлением о российской цивилизации как таковой. Рассматривая отдельный тематический блок, мы будем постоянно иметь в виду целое, которое будет выступать в качестве необходимого фона. Постоянное соотнесение с целым, с фоном должно стать известным препятствием к тому, чтобы картина цивилизации не свелась к простому эмпирическому перечислению, к голый фактологичности, а предстала бы в качестве концептуально оформленной. Откуда возьмется представление о целом? Здесь не обойтись без истории и общих теоретических представлений о цивилизации, без ее теоретического определения, о котором речь шла выше.

Тематический подход к изучению современной российской цивилизации предопределяет особенности и меру обращения к историческому прошлому. Привлечение исторического материала называется тематическим, а не хронологическим. История привлекается в той мере и на ту хронологическую глубину (начиная отсчет от современности), которые необходимы для понимания современного положения дел в данном тематическом блоке – не более того. Думается, что на этом пути удастся получить именно панораму – объемный срез российской цивилизации в ее сегодняшнем состоянии, но не в примитивно фактологическом, а в осмысленном виде.

«Любой народ, любая страна – заложники своих начал, – писал известный историк и философ М. Гефтер. – Мы же – не страна. Мы – страна стран. Мы наследники сугубо разных начал, встроенных напрямую в мировой процесс. Отсюда наша особая зависимость от судьбы тех проектов, суммарное название которых – человечество...»⁸. В словах известного мыслителя можно усмотреть два признака России как цивилизации. Они красноречиво говорят о том, что Россия не просто страна, а страна-цивилизация.

Во-первых, речь идет о «стране стран» (в других случаях Гефтер употреблял близкое выражение «мир миров»), что ярко выражает исключительное многообразие России, сочетание в ней различных начал, ценностей различного происхождения и содержания, огромного множества культур, верований, мировоззрений и т. д. Многообразие (а отнюдь не монолитность) – характерный признак цивилизации. Конечно, наряду с многообразием цивилизация должна обладать известным единством, иначе она превратится в лоскутное одеяло, сшитое гнилыми нитками. Однако в отсутствие многообразия вообще нет никакого смысла даже ставить вопрос о цивилизации, а следует говорить о стране.

Во-вторых, в словах Гефтера подчеркивается еще одна особенность, которую следует истолковать как цивилизационный признак России – встроенность «напрямую» в мировой процесс. «Напрямую», то есть без посредников. В силу географических и иных причин для России не существует такой общности, посредством которой она входила бы в мировое целое; Россия целиком не вписывается ни в одну из субмировых общностей – ни в Европу, ни в Азию, ни в Запад, ни в Восток, ни в Тихоокеанский или какой-либо иной регион. Легко заметить, что встроенность в мировой процесс напрямую соответствует определению Хантингтона (см. выше), согласно которому цивилизация – это наиболее широкий уровень самоидентификации людей, за которым непосредственно следует человечество, или «то, что отличает род человеческий от других видов живых существ».

За счет чего может достигаться единство в рамках цивилизации? Следует, прежде всего, обратить внимание на то, что, хотя не-

---

⁸ Гефтер М. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 465.

которые цивилизации существовали в виде империй, ставить знак равенства между цивилизацией и империей, разумеется, нельзя. Более того, имперская форма не адекватна цивилизации. Именно поэтому цивилизации в форме империй всегда стоят перед выбором: либо, полностью разложившись, исчезнуть с лица земли, либо найти способ сбросить имперскую форму, не утратив основ и своеобразия цивилизации.

Думается, ошибочно полагать, что «устойчивой и жизнеспособной является лишь та цивилизация, которая при возможно большем разнообразии индивидуальных, региональных, этнических и иных типов является максимально единой в области духовных идеалов, общегосударственной морали, нравственных ценностей...»⁹. Пожелание, выраженное в этих словах, противоречиво и нереалистично, поскольку максимум этнического и иного разнообразия неизбежно повлечет за собой разнообразие в идеалах, морали и нравственности. Единую мораль и нравственность, единые идеалы в многонациональной стране, где разные национальности исповедуют различные религии, придерживаются различных традиций, убеждений и т. д., можно лишь пытаться насадить принудительно, притом с самым минимальным или даже с отрицательным результатом. Одинаково утопичны и опасны два возможных при этом варианта.

Единые идеалы и ценности, призванные выполнять функцию объединения, могут быть теоретически сконструированными и внедряться посредством пропаганды. Это первый вариант. Он хорошо известен на примере единой государственной идеологии советского периода. Второй вариант состоит в том, чтобы выбрать в качестве эталонных идеалы и ценности одного или нескольких народов из числа входящих в цивилизацию или какую-либо из религий. В условиях России особенно велик соблазн принять за такой эталон идеалы и ценности русского народа и соответственно, православия и объявить именно их теми началами, которые призваны обеспечить цивилизационное единство. Этот вариант опробован в дореволюционное время, а сегодня, после крушения варианта с единой идеологией, нередко возникает вновь. Однако он был в свое время отторгнут и, очевидно, будет отторгнут сегодня, если кто-то попытается его возродить.

---

⁹ Артемов И. Россия: империя или цивилизация? // Неизбежность империи. М., 1996. С. 115.

Отрицательный опыт обоих вариантов говорит о том, что в условиях России (разумеется, не только России) объединяющий принцип должен быть классово-идеологически, этнически и конфессионально нейтральным. Он должен быть как бы «бесцветным» в идеологическом, этническом и религиозном отношении. В первом приближении это просто правила взаимоотношений людей, отдающих себе отчет в различиях, которые имеются между ними, но строящих отношения на умении абстрагироваться от различий. Это негласные общероссийские «правила общежития». Их не надо выдумывать и изобретать: они складываются в процессе жизни, и всякий живущий в России способен усвоить их с детства. Сам опыт жизни в многонациональной стране обучает этим правилам. При всей близости к ценностям общечеловеческого характера они все же не совпадают с последними, поскольку имеют российскую (а не европейскую, американскую или китайскую) окраску. Важно и то, что они, конечно, не обладают абсолютной прочностью, поскольку создаются и поддерживаются той частью населения, которая укоренена в России и связывает жизненные перспективы с судьбой России. Массовый наплыв чужеродных по отношению к цивилизации элементов, не знакомых с устоявшимися нормами общения, резкое изменение этнодемографического состава, и другие неблагоприятные факторы могут существенно изменить или разрушить их, что будет означать изменение самого характера цивилизации. Правила межэтнического общения в России, конечно же, немыслимы без русского языка и некоторого, пусть минимального, знакомства с основами русской культуры. Наличие и незримое функционирование общих для всех и привычных форм общения придает цивилизации характер не просто межэтнического, а суперэтнического, т. е. сверхэтнического образования.

Термин «суперэтнос» широко применялся Л. Н. Гумилевым. С точки зрения Гумилева, при определенных условиях этносы могут объединяться между собой таким способом, при котором не утрачивается своеобразие каждого из входящих в объединение, и одновременно создается новое качество, не сводимое к простой сумме объединившихся единиц. По Гумилеву, именно такие, суперэтнические образования характерны для России. По сути Россия и есть не что иное, как гигантский суперэтнос. Однако с точки зре-

ния мыслителя, для объединения в суперэтнос необходимо выполнение важнейшего условия – этносы должны быть комплиментарны между собой; некомплементарные этносы не способны вступать в суперэтническое объединение. Под комплементарностью Гумилев понимал духовное родство, совместимость характеров, обуславливающую взаимное притяжение этносов. Наличие в поле взаимодействия комплементарных этносов некомплементарного с ними создает угрозу разрушения суперэтнической системы. Поэтому система и каждый из входящих в нее этносов вынуждены защищать себя от инородного тела, в роли которого выступает некомплементарный этнос.

Думается, что наличие комплементарности является желательным, но не необходимым условием для объединения этносов в цивилизацию. В состав цивилизации, например в США, входят самые различные по своей природе этносы. Можно допустить, что некоторые из них комплементарны между собой, другие – нет, если, конечно, гипотеза Гумилева об этом свойстве этносов вообще верна. Тем не менее, различные этносы США уживаются между собой вполне сносно, хотя и не без проблем и противоречий, полное отсутствие которых мыслимо лишь в идеальном межэтническом рае. В земной же жизни приходится смиряться со множеством несовершенств в области межчеловеческих, в том числе межэтнических отношений. Поэтому цивилизация – это не нечто, лишенное проблем и противоречий, а скорее особая форма их проявления.

Дело, прежде всего, в том, что в известном смысле цивилизации всегда представляют собой нечто механическое и поэтому бездушное. Цивилизация «работает», не нуждаясь в особой теплоте межчеловеческих отношений. Оттенок механистичности, машинности, бездушности присутствует в понятии цивилизации со времен О. Шпенглера. В частности, по этим параметрам цивилизация противопоставлена культуре. Поэтому при всей желательности комгошментарности для межчеловеческих отношений следует трезво осознавать, что цивилизация – это не та сфера, где во главу угла ставятся такие качества общения, как духовная близость и симпатия. По принципу комплементарности следует подбирать себе близкий круг общения, компанию, друзей, спутника жизни и т. д. Вступая же в цивилизационные отношения, человек, напротив,

не вправе требовать от тех, с кем общается, особой душевной теплоты и душевного участия. Мы также не вправе настаивать, чтобы окружающие разделяли наши убеждения. Отнюдь не обязательно стремиться к тому, чтобы на каждом шагу вступать в тесный душевно-духовный контакт с окружающими; достаточно соблюдать общепринятые в данном обществе нормы общения. Такой подход является важным и, вероятно, единственно возможным в многоэтнической среде с огромным множеством различий, где никто не собирается менять свои веками устоявшиеся идеалы, ценности, убеждения, тем более отказываться от них. Чтобы избежать возможных недоразумений, в этом пункте необходимы некоторые пояснения.

При известной мере механистичности цивилизация, конечно, далеко не во всем подобна механизму, поскольку представляет собой объединение не бездушных тел, а людей, существ одушевленных. Люди не могут функционировать в машинном режиме, т. е. постоянно соблюдая лишь внешние для них правила поведения. Более того, само существование правил поведения и общения, а также их практическая эффективность во многом зависят от того, насколько легко устанавливаются контакт и взаимопонимание между людьми. Об этом красноречиво свидетельствуют слова С. Франка: «Самая мимолетная внешняя встреча двух людей или внешнеутилитарное или принудительное их объединение предполагают взаимное понимание между ними, усмотрение в другом человеке «себе подобного»... Так, без единства языка, без некоторого единства нравов и нравственных воззрений или, в предельном случае, без сознания единства «человеческого образа» невозможна даже простая встреча двух людей, немыслимо никакое, даже самое внешнее их сотрудничество. И внешнеутилитарные и принудительные сношения между людьми предполагают все ту же молчаливую встречу двух пар глаз, в которой обнаруживается и пробуждается истинное чувство внутренней их сопринадлежности...»¹⁰.

Применительно к цивилизации сказанное означает, что существование цивилизационной общности предполагает наличие неко-

---

¹⁰ Франк С. Духовные основы общества. М., 1992. С. 58.

того минимума доверия, минимума взаимопонимания, минимума комплиментарное™ входящих в нее представителей различных общественных групп, а также этносов. Совсем не обязательно, чтобы все души были скроены на единый лад, достаточно того, чтобы участники общения хотя бы в общих чертах представляли, чего можно ожидать от партнера. Такой минимум комплиментарности отнюдь не всегда должен быть присущ изначально самой природе входящих в цивилизацию народов: он может вырабатываться в ходе их совместного проживания, общения и деятельности. Кроме того, процесс овладения языком межэтнического общения (русским) и его применения предполагает усвоение присущих языку понятий и понятийного строя, который тем самым становится общим достоянием всех владеющих языком. Вообще говоря, совместная деятельность и общение, длительность совместного бытия могут воздействовать на участников и двух взаимосвязанных направлений: по линии взаимной «притирки», т. е. адаптации друг к другу, и по линии взаимного влияния, взаимного уподобления, которое, впрочем, никогда не в силах полностью искоренить различия.

По мысли Х. Ортега-и-Гассета, европейцы давно жили в рамках одной цивилизации, но осознали этот факт только в двадцатом веке¹¹.

Как ни покажется странным, но еще совсем недавно, в 20–30-е годы нынешнего столетия, самобытники и почвенники в Испании отказывались признать свою страну частью единой западноевропейской цивилизации. Впрочем, не только Испании, но и другим странам европейского континента потребовалось немало времени и усилий, чтобы отказаться от национальной замкнутости и, признав европейское единство, приступить к целенаправленному строительству общеевропейского дома. Это произошло только во второй половине XX века и означало, что Европа осознала себя особой цивилизацией в составе мирового целого; родилась и стала воплощаться в жизнь идея Европы как единой цивилизации.

Не наступил ли в истории России момент, когда потребность осознания себя в качестве особой цивилизации вполне назрела? Думается, что дело обстоит именно так. Речь, разумеется, не идет о принятии какого-либо постановления или решения «сверху»: за-

---

¹¹ См.: Ортега-и-Гассет Хосе. Дегуманизация искусства и другие работы. М., 1991. С. 188–228.

фиксированного в ныне действующей Конституции положения о федеративном устройстве российского государства вполне достаточно. Речь не идет и о том, чтобы, постоянно ссылаясь на общее прошлое и порожденные этим прошлым некоторые общие черты, продолжать заклинания о якобы неизбежности единой судьбы. Идея России как цивилизации предполагает готовность народов России к общему будущему.

Осознание этническими и. региональными элитами – политическими, экономическими, духовными, так же как и центром, потребности жить и развиваться в рамках единого целого и есть осознание идеи России как цивилизации. Региональные и национальные элиты вольны сами решать этот вопрос, и сам факт наличия свободы выбора есть предпосылка цивилизационного, а не имперского единства. Тем самым признание России в качестве цивилизации означало бы осмысленный отказ от возврата к имперскому прошлому. Это с одной стороны. С другой – идея цивилизации противостоит национальной идее, понятой в узком смысле. Национальная идея в собственном или непосредственном значении имеет своей целью и пределом национальное государство, т. е. государство, в котором доминирующим становится один из этносов. Идея цивилизации есть в определенном смысле преодоление национальной идеи. Иначе говоря, признание России в качестве цивилизации означает, что идеей каждого из входящих в ее состав народов становится не создание национального государства, а идея принадлежности к России в целом.